

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 2

1966

ЗУЛЬФИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

ДАР ДОЛИНЫ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 2

ЗУЛЬФИЯ

ДАР ДОЛИНЫ

НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Перевод с узбекского С. Липкина

Издательство «ПРАВДА»
Москва. 1966

ЗУЛЬФИЯ

Зульфия Исраилова родилась в 1915 году в старом Ташкенте. Отец ее был жестянщиком.

Окончив среднюю школу, Зульфия решила стать учительницей. Она поступила в женский педагогический техникум. В студенческие годы начала писать стихи. В 1930 году было опубликовано первое ее стихотворение, а в 1932 году — первый сборник стихов «Страницы жизни».

С тех пор у Зульфии вышло в свет четырнадцать стихотворных сборников на родном языке. Ее произведения переведены на русский язык, на языки народов Советского Союза и зарубежных стран Запада и Востока. Ее перу принадлежат переводы поэмы Некрасова «Русские женщины», стихотворений Лермонтова, современных поэтов.

Узбекская поэтесса — активный участник международного женского движения, движения борьбы за мир, за солидарность народов Азии, Африки и Латинской Америки. Она побывала в Индии, в Египте, на Цейлоне, в Японии, Бирме, Китае, в Югославии и Австрии. Впечатления от поездок отразились в небольшой поэме «Мушоира». Это произведение, переведенное на многие языки мира, стало этапным в творчестве поэтессы.

Зульфия — депутат Верховного Совета и член Центрального Комитета Коммунистической партии Узбекистана, ответственный редактор популярного журнала «Женщины Узбекистана». Литературно-общественная деятельность Зульфии отмечена высокими правительственными наградами. В 1965 году в связи с пятидесятилетием со дня рождения Зульфии присвоено звание народного поэта Узбекистана.

КАПЛЯ

Тебе сегодня пятьдесят, мой друг.
Ты далеко сейчас, но тем заметней,
Что солнцу тоже пятьдесят, что луг
Покрыт травой пятидесятилетней.

Перу, бумаге тоже пятьдесят,
И жизнь такая в строчках загорелась,
Что листья дышат и дожди шумят,
А грусть и радость обретают зрелость.

Арабы нам сказали всех ясней —
Они слывут недаром мудрецами,—
Что расстояний в мире нет длинней,
Чем расстояние между сердцами.

Но если расстоянье велико —
Мне мысль арабов кажется бесспорной,—
От сердца к сердцу, что не так легко,
Я мост прокладываю стихотворный!

Я тайно не приду. Я не войду
В твой дом, в твою судьбу, подобно клину.
Я не накличу на тебя беду
И то, что ты воздвиг, не опрокину.

Но в день, когда придут и друг и враг,—
Как свет, как первое стихотворенье,
Как сказка, появлюсь, раздвинув мрак,—
Твое смятенье и твое горенье!

Мне, капле, что почет и непочет!
Для капли место — на листе и в чаше.
Тебя восторг веселья увлечет —
За тостом тост, один другого краше.

Но вдруг поставишь ты пустой бокал,
Окинешь всех отсутствующим взглядом,
Как бы чего-то, что всегда искал,
Недостает, а быть могло бы рядом.

Исчезнет все, чем жизнь была полна,
Себя почувствуешь ты одиноким.
Протянешь руку, чтоб испить вина,
Но не зажжешься пламенем высоким.

Измучает тебя тоска твоя,
Она тебя иссушит, отрезвляя,
Подобная слезинке соловья,
На дне бокала капелька живая!

Пусть эта капля горяча, светла,
Она огня хмельного не дарует,
Но без огня испепелит дотла,
А наслаждением не очарует.

Кто эта капля? Воспаленных глаз
Слеза, от мира скрытая вначале?
Мечта, что слабой искоркой зажглась,
Когда воспоминанья зазвучали?

Иль то любви пугливой робкий дар,
Давно забытый и оживший снова?
Иль сердца женского желанный жар,
Коснувшийся дыханья ледяного?

Что б ни было, но эта капля я,
Я, я сама. И ты себя не мучай,
Ты берегись прозрачного питья.
Не пей: нет счастья в этой капле жгучей.

1962.

В ОКЕАНЕ

Океан. Пароход. Светлый, радостный час.
А на пальмах, гляди, обезьяны.
Словно тысячью глаз солнце смотрит на нас,
И в сердцах — этот свет несказанный.
Вновь мы стали детьми у природы в плену.
Нет, не выпустит нас чаровница!
Песня льется, несет за волною волну.
Что ж молчишь ты? Молчать не годится!
Эта песня, как знамя, чей зыблется шелк,
Это друг, что беседует с другом.
Мой земляк, мой товарищ, зачем ты примолк?
Почему ты охвачен испугом?

Ты, нахмурясь, не слушаешь песни слова,
А слова подозрений так праздны!
Видно, ты позабыл, что давно я вдова,
И твои подозренья напрасны.
Не позволит он мне — тот, кто в сердце моем, —
Увести тебя тропкой тревоги,
Чтоб детей ты покинул, оставил свой дом...
Нет любви, нет на этой дороге!

Подозренье, ты мне угрожай, как прибой,
Берег бурной волной рассекая,
Но смотри, я стою, как скала, пред тобой,
Я сильнее, чем буря морская!
Я останусь такой, как все эти года.
Пусть же мчится вода океана, —
Тот, кто в сердце моем, не умрет никогда,
Он со мною всегда, постоянно.

1961.

ДЕРЕВО

Одинокое дерево гнулось под ветром.
Тот пытался его повалить, поломать,
Он сорвал с него листья и днем неприветным
Наступление начал опять.

Истекало, бессильное, кровью зеленой,
О пощаде дрожанием веток моля,

Ветер бил его, в злобе своей непреклонный,
И от боли вздыхала земля.

И свалилось оно и не взвидело света,
И осеннему ветру открылись пути...
Может быть, упаду я, как дерево это,
Но мой день будет вечно цвести.

1962.

ОСЕНЬ

Вот и осень... Но я не прошу об участие.
Мысли жаждут пера, сердце жаждет труда.
Пусть нередко несчастьем сменяется счастье,—
Жизнь прекрасна всегда и всегда молода!

Пусть валил меня вихрь, я опять поднималась,
Снова пламя струилось по веткам моим.
Мало было плодов, но и самую малость
Я наполнила жаром и чувством живым.

Пели песню мою близкий друг и далекий,
И порою перо пламенело в огне...
Если завтра мои прочтаете строки,
Пусть вам светит, как пламя, рассказ обо мне.

1962.

ПОРТРЕТ, КОТОРЫЙ Я ЕЩЕ ДОЛЖНА НАПИСАТЬ

Я в пути. Не хочу, не желаю покоя.
Только ты и нужна мне, земли новизна!
Почему-то живет во мне чувство такое,
Что и я всем на свете нужна.

Я иду кишлаком, свежесть утра вдыхая,
Эту землю дочерней любовью любя.
Соотечественница моя дорогая,
Что мне жизнь, что мне песнь без тебя?

— Здравствуй,— я говорю героине свершений.
На лице простодушном отваги печать,
А черты ее песенных строк вдохновенней,
Тех, что я собираюсь начать.

Обожгло азиатское солнце косынку,
Азиатская пыль на ее сапогах.
Солнце радостно в каждую входит морщинку,
Солнце блещет в глазах, на руках...

Эти грубые пальцы дарят меня светом,
А глаза нерожденную песню — теплом.
О, каким воссоздам тебя словом иль цветом,
Жаркой кистью, живым ли пером!

Словно к жизни самой, я к тебе приближаюсь,
Моего поколенья ты стала судьбой,
Как при чтенье бессмертных стихов, возвышаюсь
Я душой от беседы с тобой.

Да, в чертах твоих жизнь и высокое чувство
Счастья, мира, труда и расцвет бытия.
Напишу твой портрет: мне помогут искусство
И рабочая слава твоя.

1961.

НАВСТРЕЧУ ПЕСНЕ АЛАТАУ

В какую бездну сбросить я смогу
Все то, что путешествовать мешало?
В огне какого гнева я сожгу
Мое перо, что долго так молчало?

Пора, как ветру, мне начать полет,
Пора мне обратиться в слух и зренье,
Чтоб видеть, слышать, как земля поет
И превращается в стихотворенье!

Уму и сердцу нужен ли покой?
О Алатау, я покой разрушу!
Вот песня льется горною рекой,
И я навстречу ей открою душу.

1962.

ЧАРОДЕЙСТВО ОБЛАКА

Не нравились мне раньше облака,
Я не стремилась в сеть небесных кружев,
Но в Казахстане так она легка,
Что трепещу, волнение обнаружив.

Не гладила рукой на гребнях гор
Я облаков разорванные клочья.
Ужели облаками с этих пор
Мне умывать лицо и днем и ночью?

Пусть превратится в шелковый платок,
Пусть облако окутает мне шею,
Пусть арфой обернется,— весь Восток
Я песнями очаровать сумею!

Живительной, как солнечный восход,
Пусть напоит меня водой сырою,
Пусть для меня из радуги сошьет
Цветной камзол узбекского покроя.

Когда душа не хочет мятежа,
Стремительное облако мятежно,
Когда же закипит моя душа,
Оно прильнет ко мне светло и нежно.

Когда вершина станет мне мила,
Оно от глаз моих вершину спрячет,
Нависнет, если захочу тепла,
Повеет холодом, дождем заплачет.

То ходит по земле, как пешеход,
То в озере, как челн, плывет, не тонет,
Его не принимает небосвод
И от себя земля сурово гонит.

О пасынок небес, твоя игра
Бессмысленна, но чистым станет небо,
Как только ты пойдешь путем добра,
Да и земля получит вдоволь хлеба.

Мир засверкает шире и светлей,
Земной простор не будет затуманен.
Ты сделаешься нужным для полей —
Не чародей, а хлопкороб-дежканин!

Из чар твоих я вырвусь. Мы пойдем
С тобою по моей земле. Отныне
Пролейся ливнем теплым, стань зерном,
Раскройся хлопком на родной равнине!

Пойдем по той земле, где нет сирот,
Где не в почете у людей бродяги.
До встречи на земле, где ждет народ
Сердечной песни и весенней влаги!

1962.

ТЮБЕТЕЙКИ С ПУШИСТЫМИ СУЛТАНАМИ

То ли дождик весенний блеснит на камнях и струится,
То ли быстрые рыбки резвятся в объятьях речных,
То ли с песней выходит Куляш — дорогая певица,
То ли в сердце поэта крылатый рождается стих?

Приближается музыка, людям даруя веселье,—
Это к нам приближаются девушки пестрой гурьбой.
Как нежны, как задорны, игривы глаза их газели,—
Это степи весной, это сам Казахстан молодой!

На овальных щитках тюбетеек пушисты султаны,
В черных косах — монеты: подвесок звенит серебро.
Перья филина эти султаны, как сон несказанный.
Чтобы их описать, Ауэзова нужно перо.

И шуршат, и скользят, и трепещут с оборками платья,
Будто выросли чудом на тропке засохшей цветы.
Улыбаются губы, и в сердце готова принять я
Прелесть этой улыбки, сияющий свет доброты.

Это семь лебедей белоснежных, властительниц края,
Величаво плывут по воде, что воспета певцом.
Молодой мой товарищ, от страсти рассудок теряя,
Хочет взяться за весла, наняться на лодку гребцом.

Слишком грубы слова, и спросить я пытаюсь глазами:
«Чудо-лебеди эти откуда плывут и куда?»
«Из колхоза — к друзьям. А друзья, понимаете сами,—
Те орлы молодые, которые ждут их всегда».

Юный друг мой в отчаяньи...Семь сновидений румяных
В семь сторон устремляются, будто бы семь ручейков...
Долго буду я помнить об этих пушистых султанах,
О чудесном уборе, оставшемся с давних веков.

Понимаю: как видно, красавицы эти в наследство
Получили изысканный вкус от своих матерей,
Поэтичную душу, способную с малого детства
Ощущать красоту, от которой на сердце теплой.

Если вызвать хотите повсюду восторг или зависть,
Непременно наденьте казахский народный наряд,
И царицей вы станете алма-атинских красавиц,
Вы услышите, как с восхищеньем о вас говорят.

В раннем детстве и я тибетейку с султаном носила,
Я добром поминаю мою незабвенную мать,
Что меня уважать и ценить красоту научила
И обычаи наших друзей всей душой понимать.

1962.

КОКЧЕТАУ

У казахов спросите, красива ль гора Кокчетау,
Где чиста, как любовь, первозданная голубизна.
Отраженье в воде, как волшебную книгу, читаю,
И чудесна ее новизна.

Но и этого мало: поэт с вдохновенною песней
Появился и горную даль предо мной распахнул.
Он сказал: «Ты поверь мне, что станешь молодой,
прекрасней,
Если ты поглядишь в Ойнакул».

О Зеркальное озеро, камнем на дно твое лягу,
Затеряюсь я в роще твоих заплывавших берез,
Но возьми меня, властное, дай мне воспеть твою влагу,
Ту, что мне чародей преподнес!

Смотрят два моих глаза, как два удивленных джейрана,
На открывшийся мне с высоты беспредельный простор.
То, что виден мне мир далеко-далеко, разве странно?
У весны, у любви зоркий взор!

Все тропинки, как строки стихов, для меня зазвенели.
О, как сердце бурлит! Нет, оно не озерная гладь,
Жаждет песни оно от иголки каждой, как ели
Жаждут лапами солнце достать.

Видишь, сердце пылает, как солнце в полуденной хвое?
Я хочу, чтоб слова получили закалку в огне,
Чтоб согрело людские сердца это пламя живое,
Что сегодня зарделось во мне.

Люди здесь, на горе, крепкогруды и схожи с орлами,
Их глаза, как родник, жаркий взгляд задушевен, как друг.
Их молчанье — молчанье вулкана, а песня, как пламя,
Что из кратера вырвалось вдруг.

Кокчетау! Кумыс мне твои предложили вершины.
Что за райский напиток, в нем юная сила жива!
Я в траву погрузилась — и сразу исчезли морщины,
Чуть ко лбу прикоснулась трава.

Эти белые девичьи юрты покинуть мне жалко,
Материнское пенье домбры с моим сердцем слилось.
О мой друг, без меня ты машину отправь иль русалкам,
Чтоб катались, ты в озеро брось!

Никуда я из этого рая теперь не уеду,
Вез меня состоится торжественный пир и прием!
Надо с озером-зеркалом нашу продолжить беседу,
Мы с березами день проведем!

Но взглянул наш хозяин глазами косоного разреза.
В них решимость. Стоит он скалой, что не может упасть!
«Нас в ауле читатели ждут,— голос тверже железа,—
А у них над поэзией власть!»

Уезжаю, но здесь мое сердце, а вместе со мною —
Сердце свежего, светлого края, где радостно жить.
Я завидую песне, что горною спета строною,—
Мне бы тоже такую сложить!

1962.

НА ОЗЕРЕ БАЛХАШЕ

День отдыхает, устав от гостей и забот.
Сумрак плывет над Балхашем.
Сердце мое вместо солнца пусть ярко сверкнет
В тихом убежище нашем!

Разве ты спрятало, солнце, от нас красоту,
Звонкое золото света?
В сердце моем — это озеро, горы в цвету,
Краски нарядного лета.

Можно ли думать о сне в живописной стране
Песен и щедрого слова?
День одарил меня влагой вечерней, и мне
Участь мила рыболова.

Льется, как сталь Темиртау, к подножью горы
Этот Балхаш, это чудо.
С юртой акына сравню я рыбачьи костры,
Волны — с горбами верблюда.

Рыбу вспугнуть я боюсь, будто слово: вот так
В муках рождается строчка.
Свежий кумыс предлагает мне старый рыбак:
«Выпей, поможет он, дочка!

Все здесь твое. Наше счастье придет, погоди,
Скоро с добычей мы будем».
Рыбкой трепещет волна, сердце бьется в груди.
Счастье так надобно людям!

Тропка луны золотится у нас на глазах,
В озере ширится зыбко.
«Гостья, добычу бери!» — говорит мне казах.
Что там на удочке? Рыбка!

Но чешуей — серебром древних денег — блестя,
Горькой полна укориэны,
Смотрит она так беспомощно, будто грустя
И умоляя о жизни.

Друг мой рыбак, ей свободу вернуть разреши:
К озеру тянется рыбка,
Словно к любимому, к волнам смятенной души,
Нежной подруги улыбка.

Пусть моя песня засветится, как чешуя!
Глянув на лунную воду,
Рыбку заметишь — так знай: это песня моя,
Дай же ей, рыбке, свободу!

«Ладно,— рыбак говорит.— Но тогда сотвори
Песню такую, как это
Чистое озеро в блеске вечерней зари,
В золоте лунного света!»

1962.

ВИШНИ, СТОЯЩИЕ В ОДНОМ РЯДУ

Это вишни выстроились в ряд?
Нет, костры в одном ряду горят!
Утром прелесть вишен обожгла меня.
Показалось: ветви — в белом пламени —
С солнцем говорят!

Днем у вишен свадебный наряд.
Отчего их лица так горят?
Свадьба ль комсомольская готовится?
Вишенки пред зеркалом становятся,
Выстроились в ряд.

Вечером, когда плывет закат,
Вишни, что в одном ряду стоят,
Караваном хлопковым мне кажутся...
О мой день, как ты прекрасен вновь!
Пусть навек в моем сознание свяжутся
Труд, цветы, любовь.

1965.

ВЕЧЕР

В той тишине, что всюду разлита,
Сменяется согласным звуком гласный,
И горизонта алая черта
Напоминает мне ут́ок атласный.

Окончен день работ и день забот.
Пора домой семейным возвратиться,
А молодых в свое гнездо зовет
Таинственная, вещая жар-птица.

Там, где арык блестит стальным путем,
Как саженцы, что выросли дружно,
Беседуют влюбленные. О чем?
Мне отгадать нетрудно, но не нужно.

На всей земле они теперь одни.
Замолкни, ветер луговых раздолий,
И ты склонись, трава, и ты усни,
Трудолюбивое родное поле!

Как уголь в кузне, остывает день.
Предвестник ночи — месяц — на востоке,
Но двум сердцам чужда ночная тень:
В них разгорается огонь высокий.

1965.

ДУМЫ

То ли, торопясь, меня торопит
Прожитых годов нелегкий опыт?
То ли пройденных дорог наказ
Слышу каждый день и каждый час?

То ли жизнь настойчиво, как мать —
Та, которую хочу понять,—
Говорит мне: «Счастья ты просила —
Так ищи его, ищи всегда!»
То ли в сердце иссякает сила,
Будто в тихом родничке вода:
Никого не напоив как следует,
Высохла,— никто о ней не ведает?

Но приказ «Трудись!» во всем мне слышится.
Оттого-то мне так жадно пишется!
Я упорно буду рыть иглою
Землю, а живой родник открою!
Если я увижу, что не светится
Пламя счастья в сердце у меня,
Вспыхну я сама — и всем, кто встретится,
Буду я источником огня!

Отниму могущество у слова,
У неугасающей звезды,
У горы, у гордой той гряды,
Что, как мой отец, седоголова,
У речной стремительной воды,
Что блестит, трепещет каплей каждую...

Я томлюсь такой же светлой жаждою,
Как пустыня, ждущая канала.
Кажется: такую мощь познала,
Что поднять легко мне шар земной.

О чудесном космосе наука
Породнила так меня с луной,
Что луну, как внучку или внука,
Будто мне планеты — дом родной,
Я возьму да посажу на плечи!

Дорог сердцу голос человеческий,
Я беру слова у всех людей, —
Капельки сливаются в ручей
И становятся судьбой народной.
Из ручья я пью и отдаю
Каждому по капле жизнь мою,
Чтобы не была земля бесплодной.
Вольно дышится, когда пою,
Жадно пишется в родном краю!

То парю я над страной, как птица,
То свой мед коплю я, как пчела.
И покуда сердце будет биться,
Для людей готова я трудиться,
И не скажет сердце:

«Жизнь прошла...»

1965.

САДОВНИК

Идет садовник. В цветнике —
Его душа.
Секатор у него в руке,
За поясом — теша¹.

Плывет над садом синева,
Пронзительно блистая.
В саду есть прелая листва,
И травка молодая,
И солнце есть, и ветерок, —
Всего не счесть.
Есть бархатистый мотылек
И гусеницы есть.
Есть все, есть все, чтобы цветы
Росли кругом:
В одном — источник красоты,
Источник запаха — в другом,
А третье ради зла живет
И корень жизни рубит.

Лелеет добрых садовод,
А злых не любит.

Он действует тешой своей,
Сперва очистив
Кусты и почву от червей
И прелых листьев.

Но вот уже сучков сухих
Закончена подрезка...
Не так ли создается стих —
Взыскательно и веско?
Шагает он, цветенью рад,
По солнечной дороге.
Он, как отец, глядит на сад
И как ваятель строгий.

Он долго в их вникал черты,
Смотрел проникновенно.

¹ Теша — топорик.

Пока не отобрал цветы
И бережно и вдохновенно,
То отдавая их от глаз,
То приближая,
Покуда в розах не зажглась
Краса земная.
Он любовался: вот сапфир,
А вот алмаз.
Казалось, в розах целый мир
Живет сейчас!

Садовник на супу¹ принес
Охапку роз.
Охапка радовала взор,
Но он продолжил свой отбор.

Он выбрал лучшие из лучших,
Поклясться был готов:
Нет в мире более пахучих,
Приманчивых цветов!
Они достойны высшей чести
На празднествах людских:
Они достойны, чтоб невесте
Их преподнес жених!
Садовник счастлив: он уверен,
Что не был труд его потерян,
Что совершенства он достиг,
Что дар его хорош...

А ты, поэт, когда свой стих
Ты в сердце создаешь,
Когда очистишь ты сперва
Свои отборные слова
От хлама и от сора,—
Уверен ли, что мастерства
Достигнешь так же скоро?
Что твой цветник шумит листвою
И что поэзии живой
Явил ты образец?
Как только скажешь ты, поэт:
«Я создал лучший плод и цвет»,—
Тогда тебе конец.
1965.

¹ Супа — глиняное возвышение, на котором сидят или лежат.

НЕБОЛЬШОЕ СЕЛЕНЬЕ

Небольшое селенье шумит, как родник,
И в язык этих мест я вникаю.
Я устала. Присесть не успела,— старик
Подает мне холодного чаю.

Ах, отец, не живая ли это вода
Мне на долю сегодня досталась,
Потому что, как только пришла я сюда,
Так рассталась со мною усталость!

Будто внутренний голос мне властно сказал:
«Все лови своим слухом и взглядом!»
Мне гудение слышится... «Универсал»?
Значит, поле колхозное рядом.

Песнь реки, словно лепет младенца, сладка,
Щебет птиц, и полдневное пламя,
И похожа на легкую рябь родника
Тень, рассыпанная тополями.

Сколько дарят урючины круглых монет:
Золотых здесь не меньше миллиона!
Сквозь листву льется свет, синий свет, звонкий
свет,—
То дробится стекло небосклона.

В речке утки-пловчихи сноровкой горды,
И узбечка на велосипеде,
Словно лебедь, белеет у горной гряды
И спешит, словно весть о победе.

Говорит мне старик: «Это наш агроном,
Подчиняется ей вся долина».
Опьяненные юным, сверкающим днем,
Вышли девушки из магазина.

Агроном... Скоро ль вниз возвратится она?
Я слежу за ней пристальным глазом.
Это ты поднимаешься вверх, Фергана,
Это светится людям твой разум!

1965.

МОЛОДАЯ ВДОВА

На лице появились морщины страдания.
Хочешь в землю зарыть свою молодость вдовью?
Но не примет земля твоего увяданья,
Ибо вместе с тобой дышит новой любовью!

Задушить хочешь чувство, что зреет несмело?
Но когда наступает пора созреванья,
Надо новому чувству отдаться всецело,
Надо жизнь полюбить — нет прекрасней призванья!

Память прежней любви оскорбить ты боишься?
Но она тебе счастья желает чуть слышно.
Почему ты от ветра и ливня таишься?
Если корни крепки, листья вырастут пышно.

«Половиночка счастья,— нас учит присловье,—
Словно зеркало, на две разбитое части».
Ветром жизни развей одиночество вдовье,
Ибо жизнь — это цельное, полное счастье!
1965.

БАХШИШ¹

(Из путевого дневника)

Рассвет, как дым, что пахнет сытной пищей.
Огромный город с виду так богат,
Но он похож на дом невесты нищей,
Где украшенья взяты напрокат.

«Бахшиш!..» О, сколько чаяний и жалоб
В том слове, что все время ты твердишь!
«Бахшиш! Бахшиш!..» Земля вольней дышала б,
Когда б ты, парень, не просил: «Бахшиш!»

Бахшиш — звонок на шее верблюжонка,
Что караван надежд спешит догнать.
Когда «Бахшиш!» кричишь ты резко, звонко,
Не унижаешь ли отчизну-мать,

¹ Ба х ш и ш — подаяние.

Как будто бросила она ребенка
И ничего о нем не хочет знать?

Ты — жгучим зноем кованная сила,
Ты — мышцы, что терпением налились.
Ты мне напоминаешь кипарис,
Чьи корни грубость нищеты вспоила.

Бывает больно иногда смотреть
На океан, слепительный и синий.
Взглянуть на лик, что потемнел, как медь,
Еще больней — я поняла отныне.

Твою печаль я сердцем узнаю.
Тебя все время точит, точит мука.
Не так ли ствол могучий каучука
По капле источает мощь свою?

О, если бы плоды созрели сразу
В тепле, в слезах твоих раскрытых глаз!
Но зуб неймет, хотя и видно глазу,
В стране, что райским садом разрослась!

Ты создал край, подобный сновиденью,
Оберегаешь каждый лепесток,
Чтоб на него не сел и мотылек,
А сам бредешь бездомной, чуждой тенью.

На древней сей земле священен слон,
Повсюду почитается корова,
Лишь ты, изгой, бедой испепелен,
Лишь ты, хозяин, не имеешь крова.
Когда ж ты робкое свое «Бахшиш!»
В меч разума и правды превратишь?

Твоя нужда растет, как листья чая
Твоих полей... Ужели сто богов
Блаженствуют на ложе облаков,
Не слушая тебя, не замечая?

«Бахшиш!..» Глаза и сердце, как рука,
Протянуты... О чем ты просишь страстно?
Брат, сердце я тебе отдать согласна,
А медью не унижу бедняка!

Ты просишь счастья! Но его не просят,
Оно твое. Оно в земле, в реке,
В твоих садах, что щедро плодоносят,
В твоей ко мне протянутой руке!

1965.

ЧУЖАЯ НОЧЬ

Трудно длится ночь в чужой стране.
Темный город не сулит мне встречи.
Скоро ль острых звезд засветят мне
Электрические свечи?

Все вокруг чужое, я одна,
От родных вдали, но в колыханье
Воздуха мне слышится дыханье:
То со мною здесь моя страна.

Силы черпаю в ее отваге
И живу, дышу ее добром.
Не она ли водит по бумаге
Здесь моим пером?

Ночь таинственная и чужая,
Ты прочтешь ли рукопись мою?
Запоешь ли, заново слагая,
Песню ту, что я сейчас пою?

Чужеземка, вникни в эти строки.
Ты темна, а рукопись ясна:
Здесь огонь, что вспыхнул на востоке,
Жизнь моя, моя страна.

ПЛОВЕЦ И МЕЧТА

Как солнце жидкое, на юге
Переливается вода,
Где плавают мои подруги.
Я им завидую всегда.
Им в море весело резвиться,
А я стою на берегу
И чувствую с тоской: я птица,
Но полететь я не могу.

Я вижу: девочка надела
Спасательный воздушный круг,
И в море маленькое тело
Вошло неспешно и несмело,
И волны расступились вдруг
Пред этой детской отвагой,
Что спорила с морской влагой,
Мужая в торжестве своем.

Так в море жизни мы плывем.

Плывем и не глядим с испугом
На синь, что всюду разлита,
И благородная мечта
Спасательным нам служит кругом.

И на какой бы широте
Валы морские ни шумели,
Пловец, доверившись мечте,
Достигнет заповедной цели.

1965.

ЗВЕЗДЫ ВУАДИЛЯ

К нам в Вуадиль приехал гость далекий.
А ночь в речном потоке
Звенит, поет,
Деревья за руки берет
И загораживает путь,
Как будто говорит: «У нас побудь!..»
Покой огромен,
Долог,
И темен-темен
Полог.

Вдруг звезды жаркие зажглись,
И пламя озарило высь,
И каждый листик на земле, и завязь...
Не так ли добрая пылает зависть,
И сердце, где друзей не молкнут голоса,
И гостя старые и умные глаза!

* * *

Наш гость в такую ночь не хочет сна.
Не принял он снотворного.
Его душа потрясена
Могучей красотой края горного.
И различает взор,
Что к темноте уже приучен:
По гребням снежных и бесснежных гор,
Из-за ветвей урючин,
Листву чинар тысячелетних
То золотя, то серебра,
Плывет в одеждах легких, летних
Рассветная заря.

Пленила гостя эта прелесть!
Казалось, из-за гор
Внезапно искры разлетелись,
Рассыпался ночной костер,
Долину радует
И каждый дом,
А звезды падают
Дождем, дождем...

* * *

Бродячий ветерок, прохлада ли ночная
Повеяли, благоухая,
Но гость уснул, и спал он, как ребенок.
И вот почувствовал спросонок:
Земля с себя стряхнула сон,
И вместе с ней проснулся он.
Взглянул: по всей долине изумрудной,
Где воздуха струятся переливы,
Идет, сверкая, день работы трудной,
Горячий и счастливый.
А солнце плещется, не в силах уместиться
В сердцах людей.
Загаром кроются приветливые лица
У стариков и у детей.
Он по земле проходит древней,
Что Вуадилем названа.
Как можно Вуадиль считать деревней?
Здесь город, и живет здесь новизна
В своем стремительном сиянье!
Вот бронзовое изваянье:

Деревня на ладонях вознесла
Прославленного сына.
В плоды воплощены его дела,
И вся просторная, зеленая долина
Его благодарит за честные труды,
И на груди его три яркие звезды,
Что гостю звонко говорят,
Его язык осиял:
«То звезды новые горят,
То звезды Вуадилля!»

* * *

Земля здесь трудится давно,
Видны ее трудов приметы вековые.
О, сколько мертвых здесь погребено,
Чтоб для живых работали живые!
И гость, сюда приехавший впервые,
Глядит, а сердце влюблено
В просторы эти полевые,
Где хлеб и слава — два соратника,
Где целый океан хлопчатника!

Старик, седой и смуглый,
Его лепешкой угощает круглой,
А девушки — зеленым чаем.
Глаза их звездами горят. Но мы-то знаем,
Что звезды эти —
Те самые, что на рассвете
Рассыпались над вуадильским краем!

* * *

— Так неужели здесь один колхоз? —
Гость задает вопрос.—
Здесь целый материк,
И он велик!
Хлопчатник — словно море, и оно
Деревьями окружено,
Но где же люди в море-океане?
Когда же здесь работают крестьяне?
— Час отдыха у нас.
Лишь солнце трудится без перерыва,—
Сказал старик неторопливо...

* * *

На полевом колхозном стане
Все больше девушек, парней,
И по полю рассыпались дехкане,
Как множество трепещущих огней.
Подвластна им зеленая долина,
Им подчинилась гордая машина.

Гость дышит полевым пахучим жаром.
На свете он живет давно,
Но солнце потекло сегодня, как вино,
По жилам старым.
И, сбросив тяжесть лет,
За поливальщиком пошел он вслед
И встал над яром.
Вода, не умолкая,
Как девушка, смеялась, озорная.
Казалось, говорит вода:
— Всегда, всегда
Я молода.
Иди за мной: в моем краю
Найдешь ты молодость свою.

* * *

Запомнился вечерний сад,
Где листья песню заводили,
Где вишни встали в ряд
Над гостем — вот они горят,
Как звезды Вуадиля!

Четыре девушки пришли с подарком,
Таким же ярким,
Как их Восток.
Вручают на прощание платок,
Расписан бисером он с четырех сторон.
Гость удивляется, как чуду:
— Повсюду звезды здесь, повсюду:
Украшен ими небосклон,
Они в глазах и на груди
Идущих впереди,
Они в саду, они в ночной реке,
Они на шелковом платке...

* * *

Гость покидает Вуадиль.
Его автомобиль
Покатится по улицам, одетым
Широким лунным светом.

Ночь азиатская вблизи и вдалеке
Зовет, пылает,
Счастливого пути на звездном языке
Ему желает.

Цветы у девушек в руках,
Как звезды в облаках.
Да, звезды здесь повсюду утвердили
Свои лучистые права,
И дружбы светятся слова,
Как звезды Вуадила!

1965.

ТАКОЕ СЕРДЦЕ У МЕНЯ...

«Ты плакала?» — я слышу твой вопрос.
О, как неглубоко́ твое участие!
Поймешь ли, что источник этих слез
Там, где берет свое начало счастье?

Такое сердце у меня, что в нем
Как будто бьются все сердца людские.
Для счастья столько звучных слов найдем,
А скорбь и боль беззвучны, как немые.

Вот женщина: красива, молода,
Известный хлопкороб, и часто речи
О ней слышны... Но к ней пришла беда:
Разлука, за которой нету встречи.

И та беда во мне отозвалась.
Что делать нам? Избавит ли от муки
Нас утешение, что боль разлуки
На свет с любовью вместе родилась?

Но горько мне, невыносимо горько!..
Течет река прозрачная с пригорка,
И камни разноцветные на дне
Как бы напоминают сюзане,
Что юной предназначено невесте.
И мучусь я с моей подругой вместе...
«Зачем ты плачешь?» — говоришь ты мне.

Я плачу, потому что знаю счастье —
Быть спутницею всех людских судеб,
Ко всем питать горячее приращье,
Со всеми боль делить, как делят хлеб.

Как будто зеркалами жизни стали
Мои глаза, что ненавидят зло.
Мне от такого счастья так светло,
Что вижу я невиданные дали!
Ты друг мой? Так на слезы не гляди,
А растворишь в потоке счастья светлом.
Ты недруг мой? Так рядом не иди:
Ты захлебнешься, сломлен резким ветром.

И след, что ты оставишь на пути,
Слезами светоносными я смою...
О, как полна я радостью земною!
Пусть никогда я не приду к покою,
Лишь так, и только так хочу идти!
1965.

ВСЕ ПОМЫСЛЫ МОИ В ШАХИМАРДАНЕ

Как будто требуя с деревьев дани,
Шумит новорожденная река,
В которой отразились облака.

Все помыслы мои в Шахимардане.
Я среди гор, а горы выше нас.
С охапкою цветов в безмолвный час
Я поднялась к поэту на вершину.
Он спит, учитель мой. А я стою.
Я принесла сюда мою судьбину,
Все, чем живу, что ввек я не покину,—
Мое перо, поэзию мою.

Прислушиваюсь к скорбному затишью.
Ни жалобы, ни вздоха, ни слезы
В природе этих гор. Я только слышу
Живое сердце нашего Хамзы,
И в шуме ливня, в звонком шуме света
Мне кажется, я слышу разговор.
Мне кажется, вершины снежных гор
Читают облакам стихи поэта.

Мне кажется, идет живой Хамза,
Идет Хамза по травам в свежих росах.
Для бедняка усталого он посох,
Он для слепого зоркие глаза,
Он воля для борца, он для него
В мучениях родившееся слово.

Он среди тех, кто в царстве лжи унижен,
Кто по законам лжи всегда неправ.
Он извлекает стих из жалких хижин,
Из улиц глиняных, из пыльных трав,
И песню возвращает он узбекам,
И песнь, расправив крылья вместе с веком,
Летит, заветной вольностью дыша,
И революция — ее душа.

Как новый мир, сияет лоб широкий.
Вокруг не молкнут горные потоки,
Неистовых страстей водоворот.
Поэт все чаще, чаще хмурит брови,
Но говорит он каждой каплей крови:
«Пусть Ленин в кишлаках у нас живет!»

И вот я выхожу из мавзолея,
Где боль далеких лет, где спит поэт,
А в сердце возникает, пламенея,
Свет Ленина, неугасимый свет.
И с голоском таким же серебристым,
Как стих певца, чарующий сердца,
Рассказывает девушка туристам
О гибели поэта и борца.

И все идут в музей, полны раздумий.
Здесь нет голов отрубленных и мумий,
Изображений шахов и князей,
Не блещет и кольчугами музей.

Но здесь Хамза: то с Куйбышевым рядом,
То посреди подруг, в кругу сестер,
Что сбрасывают паранджу в костер,
То он творит стихи, глядит в простор
Задумчивым и напряженным взглядом.
Здесь песня есть с ее высоким ладом.
Всю обстановку воссоздал музей:
Любовь и верность боевых друзей,
Народный гнев, что низвергался градом,
Здесь все, но мы не видим черной тьмы,
Увенчанной обманами чалмы,
Напитанной смертельным, мерзким ядом,
Не видим тьмы, что, прячась там, внизу,
Убила — чалмоносная — Хамзу.

Он молод был, так беззащитно молод!
Утес, что черной молнией расколот,
Степь, на которой длился долгий бой,
Песнь, удивленная своей судьбой,—
Вот так на фотографии темноло
Убийцами истерзанное тело.
Листок сжимает смуглая рука,
И недопета на листке строка.

Мне кажется, вовек я не устану
Бродить по новому Шахимардану.
Он назван в честь певца — Хамзаабад.
Стихотворение напоминая,
Бежит родник, бежит струя сквозная
И падают слова, как водопад.

Я книгу раскрываю на припеке...
Ужели воздух раскален, как печь,
Ужели это солнце хочет сжечь
В моих руках трепещущие строки?
Но нет, прохладой веет на востоке,
И каждый луч летит, летит скорей
К приволью пионерских лагерей.

Смотрю: отряд цветов голубокий
Выходит из-под снежных покрывал,
Чтоб стать среди долины на привал,
И радости взмывает вал высокий,
И кажется, что день запыровал.

А я иду и знаю: не устану
Я учинять допрос Шахимардану.

Земля моя! Пред каждою твоей
Пылинкою склониться я готова,
Но ты ответь мне, боль мою развей:
Ужель его не услышала зова?
Ужель к добру ты приравняла зло?
Как ты могла дарить свое тепло
Исчадьям тьмы и песнопевцу света?
Иль ты была чужда судьбе поэта?
Иль ты была, родная, так слепа
Безумной материнской слепотою,
Что, этой кровью жертвуя святою,
В тот миг ты не разверзлась, чтоб толпа
Фанатиков во мгле твоей сокрылась?
Зачем волкам ты оказала милость?
Волков уничтожают — вот закон,
Который светом и добром рожден!

Вы, горы, выше нас. Ветрам и бурям
Дорогу преграждали вы не раз.
Когда на вас глядим, глаза мы щурим:
Ведь солнце дремлет на плечах у вас!
Так почему ж, услышав бурь свирепость,
Глухими вы остались, точно крепость
Трусливого и слабого царя?
Когда ночная тьма, разбой творя,
Свободу и поэзию душила,
Куда девалась, горы, ваша сила?
Пусть вы его оплакали потом,
А стали вы тогда ему щитом?

Вода, вода! Как песня, ты желанна,
Свободна, как душа Узбекистана,
Могуча, как законы светлых книг.
Зачем не защитила ты родник
Кипучих песен, чистоты душевной?
Зачем ты не размыла берега,
Зачем ты не низверглась на врага
Всей мощью светоносною и гневной?
Нет, я такой обиды не снесу!
Зачем, река Ак-су, зачем, Кок-су,
К поэту вы не протянули руки
И не спасли его от смертной муки?

Вы, ураганы, бури и ветра!
Зачем вы не вопили до утра,
Зачем тогда всю ночь не завывали,
Зачем с вершин вы камни не срывали,
Чтоб их обрушить на свирепый сброд?
О, если бы к народу вы воззвали,
Певца сумел бы защитить народ!

А ты, мой стих? Родился ты певучим,
Ты звонким окрыляешься созвучьем,
Летишь ты по земле, не зная сна.
Но ты — известный иль не знаменитый —
Запомни: чтобы правде стать защитой,
Тебе отвага воина нужна.

Трудись, мой стих, для истины и света,
Дыши весенней яростью грозы,
Трудись и знай, что будет песнь допета.
Что в мире есть наследники Хамзы!

1965.

ЖЕНСКОЕ СЧАСТЬЕ

Кто сказал, что дорога моя тяжела,
Что узнала я рано тоску одиночества,
Что в разлуке с любимым я жизнь провела?
Нет, мы вместе, и счастья все больше мне хочется!

Кто сказал, будто за сердце горе берет,
Если женского счастья не ведает женщина?
Нет, счастливой меня называет народ,
И в стихах моих каждому счастье обещано!

Тот, в чьем сердце не вспыхнула счастья звезда,
Разве чувствует горе о том, что утрачено?
Счастье есть и в любви, что ушла навсегда,
Если этой любовью вся жизнь обозначена.

Счастье женщины? Что ж, я у женщин спрошу:
Разве я не счастливей царицы-владычицы?
Я в народной любви. Я дышу и пишу
Для того, чтобы счастье могло увеличиться.
Я иду по дороге, любимым завещанной.
Прав народ, что счастливой назвал меня женщиной!

1965.

СОДЕРЖАНИЕ

Капля	3
В океане	5
Дерево	5
Осень	6
Портрет, который я еще должна написать	6
Навстречу песне Алатау	7
Чародейство облака	8
Тюбетейки с пушистыми султанами	9
Кокчетау	10
На озере Балхаше	12
Вишни, стоящие в одном ряду	13
Вечер	14
Думы	14
Садовник	16
Небольшое селенье	18
Молодая вдова	19
Бахшиш	19
Чужая ночь	21
Пловец и мечта	21
Звезды Вуадила	22
Такое сердце у меня...	26
Все помыслы мои в Шахимардане	27
Женское счастье	31

Зульфия Исраилова

ДАР ДОЛИНЫ

Редактор — **П. КРАВЧЕНКО.**

А 10515. Подписано к печати 24/1 1966 г. Тираж 104 400. Изд. № 223.

Заказ 3565. Форм. бум. 70×108¹/₃₂. Объем 1,0 физ. печ. лист.
1,40 услов. печ. лист. Цена 4 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена 4 коп.

Индекс 70668